УДК 94(47)/084+639/22(470/1//2+481)(091)(045)

ФЕЛЬДТ Александр Алексеевич, аспирант кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор трех научных публикаций

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ/СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ О НОРВЕЖСКОМ ОПЫТЕ МОРСКОГО ЛОВА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В 1905–1939 годах

В статье мы используем методы такого направления культурологии, как имагология, поскольку оно позволяет изучать российские/советские коллективные представления о норвежском опыте морского лова и возможности его внедрения на Русском Севере в 1905–1939 годах.

Ключевые слова: *имагология, Норвегия, представления, морской лов, организационная культура, национальный характер.*

На протяжении столетий российско-норвежских взаимоотношений на Русском Севере формировался серьезный интерес к норвежскому хозяйственному опыту. Особенно это касалось достижений норвежцев в сфере морского лова. В рамках развития российско-норвежского сотрудничества чрезвычайно важно это учитывать.

Различные аспекты темы истории морских промыслов и российско-норвежского взаимодействия в этой области раскрыты в трудах В.Н. Булатова, Р.А. Давыдова, В.И. Коротаева, Ю.А. Лайуса, В.В. Пересадило, Г.П. Попова, А.В. Репневского, И.Ф. Ушакова, П.В. Фёдорова¹.

Историки, занимающиеся изучением аспектов хозяйственной деятельности, используют различную методологию в своих работах. На

наш взгляд, новые результаты могут быть получены при обращении к такому направлению, как имагология². Она занимается изучением взаимных представлений народов друг о друге. В рамках имагологии можно использовать российские/советские коллективные представления. Следует апробировать наш подход на представлениях в российском/советском обществе о норвежском опыте морского лова. Их изучение позволяет познать особенности мышления российского/советского общества, способы формирования его сознания, систему ценностей.

На отечественные представления о норвежском опыте морского лова оказывала основное воздействие социальная установка. Мы исполь-

зую определение Е.В. Егоровой-Гантман и К.В. Плешакова, где социальная установка – это относительно устойчивая система взглядов, представлений об объекте или событии, совокупность связанных с этим эмоциональных состояний, предрасполагающих к определенным действиям³. Она формировалась под воздействием временных факторов, таких как переломные моменты российской/советской истории, значимые события норвежской истории, российско/советско-норвежские отношения и изменение международной ситуации, совершенствование технологий и изменения в морском лове обеих стран. Социальная установка формировалась также под воздействием постоянного фактора национального характера. Это функциональный признак культуры, свидетельствующий о внутрикультурной обусловленности, целостности культуры⁴. Он является также одной из главных черт, влияющих на формирование организационной культуры. На первый взгляд, опыт морского лова не должен создавать сложности в его восприятии и заимствовании. Но основы организационной культуры норвежцев и русских различны. Организационная культура – это набор разделяемых субъектами данной культуры (организациями, фирмами, предприятиями) ценностей, норм и практик, отличающих одного субъекта от другого⁵. В данном случае это организационная культура норвежского морского лова. Национальные характеры обеих стран влияли на их организационные культуры морского лова.

Доминантные группы российских/советских представлений о норвежском опыте морского лова – это образы. Мы, как и Е.В. Егорова-Гантман и К.В. Плешаков, считаем, что в образе рациональное знание превалирует над эмоциональной окраской представлений в отличие от упрощенных представлений – стереотипов⁶. Например, в популярной книге о Норвегии 1909 года сказано следующее: «Суровость природы и постоянные препятствия, с которыми приходилось бороться обитателям Норвегии, воспитали в них смелость и энергию, которыми и до сих пор отличаются норвежцы»⁷.

Это образ. Стереотипом он стал в 1930-е годы, когда прямые контакты с Норвегией практически исчезли. Остались лишь схематичные представления, которые невозможно было объяснить.

Источниковой базой в данном случае служат публикации и документы, имевшие политически знаковый характер – официальные решения, обзоры губернаторов, статьи в значимых для хозяйственной деятельности журналах. В них находят отражение представления, рожденные как конкретным знанием, так и пониманием государственной и региональной политики в данном вопросе.

Для анализа отечественных представлений о норвежском опыте морского лова мы выбираем период с 1905 по 1939 год. Внутри данных хронологических рамок можно выделить три этапа, определяемых изменением социальной установки в отношении норвежского опыта хозяйственной деятельности в российском/советском обществе: 1905–1920 годы, 1920-е, 1930-е.

В работе рассматриваются представления интересующихся опытом норвежской хозяйственной деятельностью, сторонников его заимствования в российском/советском обществе. В рассматриваемый период существовали группы представлений, отражающие различные сферы деятельности норвежцев: оленеводство, промышленное производство, морской лов и др. Но, на наш взгляд, представления в российском/советском обществе о норвежском морском промысле являются самыми важными. Именно этот вид хозяйственной деятельности традиционно занимал ведущее место в культурно-экономическом взаимодействии Севера России и Норвегии. В данном образе норвежцев – моряков, рыбаков, китобоев – идея заимствования опыта хозяйственной деятельности присутствовала постоянно. Но представления не оставались неизменными. К концу XIX века на Русском Севере сложилось устойчивое представление о норвежцах как рыбаках, т. к. поморы активно ввозили в Норвегию хлеб, а вывозили оттуда рыбу. Этот обмен был традиционен и являлся основным фактором для формирования социальной установки

в российском обществе в отношении норвежских промыслов. Наступивший XX век внес коррективы.

Начало первого этапа возникновения значимых представлений о норвежском опыте морского лова в российском обществе мы связываем с получением Норвегией независимости в 1905 году, что стало переломным моментом для формирования социальной установки российских людей в отношении норвежского опыта хозяйственной деятельности. Основными факторами, создававшими социальную установку в российском обществе, которая и формировала представления о морской хозяйственной деятельности Норвегии, можно считать налаживание отношений с новым соседним государством, активное промышленное развитие Русского Севера и взаимоотношения в годы войн и революций. Можно сказать, что в этот период промышленники Русского Севера и Норвегии продолжали активно взаимодействовать. В российские политические круги, отметив успешное развитие в Норвегии рыболовного промысла, предприняли попытку добиться такого же успеха на Русском Севере. Период закончился падением Северной области в 1920 году, в связи с чем социальная установка изменилась – новая большевистская идеология оказала на это первостепенное влияние.

На первом этапе архангельский губернатор С.Д. Бибииков обратил внимание на технологический процесс после поездки по губернии. В своем обзоре 1912 года губернатор отмечал выгодную организацию развоза наживки в Норвегии⁸. Промышленники связывали изменения в рыбном промысле с властью⁹, а в представлениях власти влияние национального характера на организационную культуру в сфере промышленного лова не учитывалось. В тот период важной чертой национального характера в России была преобладающая традиционность культуры. В результате взгляды на организационную культуру не развивались дальше представлений о технологиях, а норвежский опыт заимствовался с трудом.

Таким образом, к началу Первой мировой войны в России сформировались обществен-

ные представления о возможности перенять норвежский опыт успешного морского промысла и тем самым обеспечить ускоренное развитие морского рыбного промысла русских промышленников. На первом этапе наряду с образами норвежского опыта морского лова, основанными на оценке норвежских технологий, присутствовали образы, отражающие иные стороны норвежского национального характера, связанные с морскими промыслами.

Второй период, 1920-е годы, – это время становления советского государства и создания системы учреждений, формирующей у широких масс соответствующую картину мира¹⁰. После завершения гражданской войны во время нэпа социальная установка, влияющая на отечественные представления о норвежском морском промысле, кардинально изменилась. Коммунистическая идеология и разница в экономических моделях значительно ее трансформировали. Представления о норвежском опыте морского лова можно найти, например, в журналах того времени: «Красная Новь», «Карело-мурманский край», «Карелия». Они были рассчитаны на массового читателя и в свою очередь создавали представления о норвежском опыте морского лова в формирующемся советском обществе.

Советская Россия вновь обратилась к развитию северной окраины. Ею провозглашалась возможность так поднять уровень рыболовства на Русском Севере, что у России появятся шансы не только обеспечить себя, но и потеснить Норвегию на европейских рынках. Для достижения этой цели активно использовалась советская пропаганда. Так, в 1926 году А. Жилинский в журнале «Карело-Мурманский край» всесторонне охарактеризовал степень развития рыболовства в Норвегии в статье «Промыслово-морская колонизация Мурманна». В ней говорилось о том, что все экономическое благополучие северной Норвегии основано исключительно на морских промыслах¹¹. В дополнении к дореволюционным представлениям появились новые данные о норвежских технологиях.

Советская власть готова была сделать все от нее требующееся для улучшения положения на Мурмане, вследствие этого развитию рыболовного промысла уделялось большое внимание. Тем не менее интерес вызывали те же аспекты морского промысла, что и прежде. Советская власть предполагала, что технологии можно использовать эффективно вне зависимости от экономической модели и культурных основ. Наоборот, в различии руководители видели преимущество. Советский трудовой опыт, основанный на энтузиазме и самоотдаче, должен был вскоре стать примером для трудящихся Норвегии. Но красиво звучащие лозунги реализовывались медленно и с большим трудом. Вначале оказывалась помощь кустарным промыслам. Но в дальнейшем «промыслово-береговая» концепция развития, похожая на то, что существовало в Норвегии, была проигнорирована, а «промышленно-железнодорожная» колонизация Мурманна, преобладавшая в 1920-е годы, не учитывала даже норвежские технологии. Одновременно кустарный промысел вступил в конкуренцию с траловым флотом. В борьбе победили сторонники рыболовецких совхозов вследствие победы государственной политики ускоренного индустриального строительства¹².

Таким образом, в 1920-е годы в Советской России идеологически укореняется идея труда как смысла жизни человека. Несмотря на то, что культурные различия росли, принималась во внимание только технологическая сторона культуры. Популярны книги о норвежцах исчезают из обихода, а статьи с описаниями Норвегии, появляющиеся в журналах, уже не содержат тематики национального характера. Например, статья М. Миндлина в десять страниц в журнале «Красная Новь» рассказывает только о норвежском производстве в целом, безработице и скорой победе коммунизма¹³.

Третий период, 1930-е годы, характеризуется изоляцией СССР, в т. ч. и от Норвегии, завершением политики нэпа и форсированной индустриализацией. Это основные факторы, которые привели к смене приоритетов и трансформации социальной установки, влияющей

на представления о норвежском опыте хозяйственной деятельности в российском/советском обществе. Требовалось быстрое развитие региона. Советское государство нуждалась в промышленном лове рыбы. В 1930-е годы никаких дискуссий уже не было. Опыт Норвегии изучался, чтобы увеличить производительность промыслов. В 1939 году началась Вторая мировая война, и представления о морском лове норвежцев изменились под влиянием новых факторов.

Примером представлений 1930-х годов может быть предложение создания китобойного промысла на Мурмане. В 1935 году об этом писал журналист «Карело-мурманского края» С. Михайлов¹⁴. Подробный анализ технологий по-прежнему не предполагал анализа других культурных различий. Речь шла только о производственных навыках.

Таким образом, на третьем этапе личные международные контакты практически прекращаются, и в коллективных представлениях остаются основанные на идеологических клише стереотипы, где важными являются только технологии, способные увеличить производство. Иной культурный контекст образа исчезает. Перестают появляться статьи в газетах и журналах, например в журнале «Карело-Мурманский край» в 1930-х годах гораздо меньше статей о Норвегии, чем в 1920-х.

Итак, в течение трех периодов, начиная с 1905 по 1939 год, представления, связанные с организационной культурой норвежцев в области морского промысла, видоизменялись под влиянием трансформировавшейся социальной установки. Основными факторами, повлиявшими на социальную установку, стали изменение внутривнутриполитической ситуации в России/СССР и развитие международных отношений. Базовыми представлениями являлись образы норвежцев как успешных рыболовов. Основное внимание уделялось отдельным технологиям. Общей чертой представлений являлось отсутствие внимания к другим культурным основам и меняющемуся политическому контексту.

Примечания

¹ См.: Булатов В.Н. Советский Союз и Норвегия: сотрудничество и конфликты в Арктике // Страх и ожидания: Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск, 1997. С. 125–149; Давыдов Р.А. Охрана морских промыслов на Европейском Севере России в XIX – начале XX веков // Русский Север в документах архива. 1998. С. 51–71. Архангельск, 1998; Кортаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Архангельск, 1998; Лайус Ю.А. Между наукой и промыслом: роль ученых-промышленников и промышленников-ученых в изучении морей Европейского Севера в конце XIX – начале XX // С.Ф. Огородников и история российского флота. Архангельск, 1996. С. 79–81; Пересадило Р.В. Развитие морских связей между Норвегией и Русским Севером // Слово о людях и земле Поморской. Архангельск, 1993. С. 131–139; Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман. Екатеринбург, 1999; Репневский А.В. СССР Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. Архангельск, 1998; Его же. Норвежцы в северных водах прежде и теперь: взгляд русских поморов // Вестн. Помор. ун-та. 2010. № 1. С. 25–32; Ушаков И.Ф. Избр. произв. Мурманск, 1997; Фёдоров П.В. Северный вектор в российской истории. Мурманск, 2009.

² Ложкина А.С. Образ Японии в советском общественном сознании: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 5.

³ Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12. С. 20.

⁴ Лурье С. Психологическая антропология. М., 2005.

⁵ Варакина Н.В. Особенности организационной культуры российских и американских бизнес-организаций рубежа XX–XXI вв. Барнаул, 2005.

⁶ Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Указ. соч. С. 21–23.

⁷ Норвегия. Народные чтения. СПб., 1909. С. 34–35.

⁸ Егорова-Гантман Е.В., Плешаков К.В. Указ. соч. С. 81.

⁹ Кортаев В.И. Указ. соч. С. 49.

¹⁰ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998. С. 15.

¹¹ Жилинский А. Промыслово-морская колонизация Мурмана // Карело-мурманский край. 1926. № 22. С. 31.

¹² Фёдоров П.В. Указ. соч. С. 216–220.

¹³ Миндлин Э.В. В Норвегии // Красная Новь. 1929. № 8. С. 200–210.

¹⁴ Михайлов С. О китобойном промысле на Мурмане // Карело-мурманский край. 1935. № 3. С. 34.

Feldt Alexander Alexeevich

Postgraduate Student of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences

VIEWS OF THE RUSSIAN/SOVIET SOCIETY ON THE NORWEGIAN EXPERIENCE OF SEA FISHING AND THE POSSIBILITIES OF ITS ADOPTION IN THE RUSSIAN NORTH IN 1905–1939

The author turns to the methods of such culturology branch as imageology, for it enables us to study Russian/Soviet collective views on the Norwegian experience of sea fishing and the possibilities of its adoption in the Russian North in 1905–1939.

Key words: *imageology, Norway, views, sea fishing, organizational culture, national character.*

Контактная информация:
e-mail: aafeldt@gmail.com

Рецензент – Кортаев В.И., доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова